

НОВИНЫ

Марфы Семеновны
КРЮКОВОЙ

Запись и редакция
ВИКТОРИНА ПОПОВА

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХАНГЕЛЬСК

1939

М. С. КРЮКОВА

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В 1937 году Архангельским областным издательством была издана книжка с тремя сказаниями-поэмами М. С. Крюковой, в 1938 году вышло из печати „Сказание о Ленине“. В настоящей книге собрано десять новых поэм-пропеваний.

Марфа Семеновна, наша знаменитая сказительница-северянка из Нижней Золотицы, вновь побывала в Москве, по командировке правления Союза советских писателей СССР ездила в Азербайджан, Грузию и Аджаристан, все это расширило ее горизонты, впервые раскрылась перед ней родина „в просторности и прожиточности“, появились широта обобщений и новые образы. Публикуемые в этом сборнике ее новины (так Марфа Семеновна называет, в отличие от исполняемых ею старинных былин, новые свои поэмы-импровизации) и явились в большинстве своем результатом непосред-

ственного творческого вдохновения во время поездки из края в край по великой родине, когда в своеобразной поэтической манере она реальное соединяла с народной историей и самобытной фантазией.

Запись и редакция новин произведены Викториним Поповым.

Марфа Семеновна Крюкова принята в члены Союза советских писателей СССР и награждена Правительством орденом Трудового Красного Знамени.

Вырастало у нас два дерева прекрасных,
Эти деревья чудесные, очень дивные,
Одно дерево вырастало на Волге-реке,
Другое дерево вырастало на горах кавказских;
Хошь росли-стояли они не близешенько,
А кореньями вместея они срастались,
А вершиночками вместея они свивались, —
То два друга было очень верных-то,
То два товарища было неизменных-то,
Они со младости в одну думу думали,
В одну мыслицу они промысливали,
В одну речь всегда говорили,
Мудро дело народное вместея делали.

Мне приснился чудный-дивный сон,
Будто вернулась ко мне млада молодость,
Стала будто я младой девушкой,
Взрадовалася я, взвеселилася,

Побежала я на луга да на зеленые,
Зачала рвать цветы лазуревые,
Зачала плести веночки на головушку,
Убирать-то их в ленты шелковые,
Будто птица с кустика на кустик перескакивала,
Распевала песни веселые, песни весённые.
Со той радости побежала я во леса во дремучие,
Ко преглубистым тихим озерушкам,
Как на те на тихи наши заводи,
Там сидели-то белы лебеди.
Я пришла к ним, поклонилася:
„Уж вы здравствуйте, белы лебеди,
Как полетите во летнюю во стороночку,
Вы возьмите меня за синя моря,
Уж как белой-то я лебедушкой
Полечу с вами на легких крылышках!“
Чудный сон знаменовал меня
Ко пути ехати, ко дорожечке,
Ко Архангельску, славному городу,
А из него-то в славному каменному Москву,
Из каменной Москвы ехати ко горам кавказским,
Ко странам ко прекрасным, ко чудным,
На прелестную родну его родину,
Дорогого вождя нашего славна Сталина.
С Белым морюшком я распрощалася,
Распрощалася да расставалася,
Мне-ка морюшко на прощанье возговорило:
„Будь счастлива, долголетна в путях-дорожечках,
Уж как будешь ты во странах во дальних,
Уж как будешь у морей у разных,
Передай странам-морям низкой поклон:
Им-то кланяется море Белое,
Море Белое да все ведь северное!“
Провожали меня все со старого до малого,
Наши колхозники, наши колхозницы,
Они просили меня да все говорили:

„Передай поклон той стране да славну городу,
Где родила вождя Сталина родна матушка,
Где росло дитя малое,
Дитя малое да очень удалое!“
Я приехала ко горам ко высоким, кавказским,
Ко славным ко реченькам ко быстрым,
Ко садам ко прекрасным ко зеленым,
Со разными древами-фруктами растущими,
Со птицами разными поющими, голосистыми,
С городами с очень дивными,
С людьми-народом со премудрым.
Есть на что посмотреть, полюбоваться!
Очень прекрасная страна кавказская,
В моей молодости зачем она мне не приснилася,
В сновиденнице зачем не показалася?
Кабы была младая я, младешенькая,
Так возвеличила бы эти горы высокие,
Они высокие, выше облаков ходячих-то,
Они стоят, как верны каравульщички,
Верны каравульщички, славны рыцари;
Белы платьца на них из горносталюшки,
На них шапочки, как у древних рыцарей,
На тех шапочках жемчужинки со каменьями,
В руках-то у них востры копыца.
Они глядят-смотрят во все стороночки,
У них очи-глаза очень зоркие,
У них уши-слухи очень чуткие,
Не пройти мимо них никому, не проехать,
Не пропустят горны рыцари ни конного, ни пешего,
Не пропустят черна ворона пролетащего,
Не пропустят зверя рысучего, пробегающего,
Не пропустят ни гада ползучего, ни змеи шипучей
Из чужих земель, из чужого владеньца.
Я ходила-гуляла по славной земле кавказской,
Всему-то я, старая, дивовалася-любовалася:
Нигде нет такого соньца светлого,

Оно светит, как в струнах гусли выигрывают;
Из всех стран — страна прелестная,
Природа из всех природ самая ценная,
Не пропеть мне той роскоши пропеваньем,
Не рассказать будет рассказаньем.
Старо времячко прошло-миновалось,
А теперича пришло времячко освобожденное,
Весь народ стали жить — сами хозяева,
Над своей пространной жизнью управители.
Счастье дали-наделили богатыри советские,
Уж как первый-то богатырь — Ленин-вождь,
Уж как другой-то богатырь — славный Сталин-свет.
Они своею силой богатырскою,
Они своею мудростью премудрою
Повыручили народ из неволюшки,
Из жизни прежней, непрожиточной-гибельной.
Во стране во славной прекрасной,
Во городе во кавказском во Гори
Я была на родине вождя нашего—
Могучего советского богатыря
Иосифа Виссарионовича славна Сталина.
В краю города стоит домичек,
Малый домичек со окошечками,
Со крылечушком да со перилами,
В этом домичке жил его отец-батюшка,
Отец-батюшка Виссарион свет Иванович.
Его батюшка да был сапожничком,
Зашивал да шил он всяку обувь,
На чужих людей всю жизнь работал он.
В этом домичке жила его да родна матушка,
Родна матушка Катерина Егорьевна,
Пекла хлебы, шила платья разные,
Одеяла стегала да белье стирала,
На людей на чужих всю жизнь работала.
В этом домичке родился да все любимый сын,
Любимый сын да чадо милое,

На имя Иосиф-свет, по отчеству Виссарионович.
Я смотрела на тот домичек, где родился он,
Где родился, где качался в колыбелечке,
Где носила на руках его родна матушка,
Где кормила она его грудью материнскою;
Я смотрела на крылечушко, на перила на точеные
На те ли на ступенечки деревянные,
Где-ка бегало-играло дитя малое,
Дитя малое да очень удалое,
Где звал-кричал своим он голосочком
Свою да родну матушку.
Домичек их был очень скудный,
Жизнь была у них да непрожиточная,
Много-то было родительской заботушки,
Горючих слез много было пролито,
Не было у дитя утех с забавушкой,
Не было у дитя детских игрушечек веселиться
Красно солнышко стало на ясени,
Оно пекло-то, грело очень горячо,
Дитя младое стало на возрасти,
Ему нужно было ведь обучатися,
Да не имели его родители состояньица.
Отец с матушкой тогда призадумались,
Призадумались да запечалились,
Собрались они делами своими трудливыми,
Придели-то своего чада милого,
Отправили его в школочку учиться.
Ему ученьице премудрое открылося,
Ему писаньице скорое давалося,
Превзошел науками всех друзей своих,
Его мудрости премудрой все дивовались;
За его за мудрое ученьице,
За его за скорое образованьице
Назначили ему способице не малое,
Не малое способице, не великое—
Три рубля в месяц пожаловали,

Чтобы кончил он ученице-образованнице
В состоянии своей жизни бедной.
Я смотрела на ту школочку, где учился он,
Видела его патрет во его младости,
Висит-блестит он на стеночке во школочке,
В этой школочке он читал книги разные,
Книги разные, сказки чудные, волшебные.
Когда уходила-то я из школочки,
Я пошла да поклонилась,
Дети-школьники все да провожали меня,
Учителя тоже распростились и ужахались,
Что издалека я так приехала.
Мы смотрели по карте на стеночке,
На стеночке во той во школочке:
Где моя да есть ведь родина-деревенька?
Тогда все да сдивовались:
Уж проехала я чуть не всю страну,
Землю славу нашу Советскую!
Видела я другую школочку-училище
Во том городе во стольно-кавказском,
Где учился дорогой вождь на возрасти,
Где сидел он за занятием,
Где склонял свою мудру голову над книжечкой.
Денечки белые сидел он за ученицем,
А вечерочки поздние он прохаживал,
Прохаживал да все просматривал:
Как народ живет, как идет вся жизнь?
Меж народом жизнь шла очень плохая,
Задернели поля-пашни плодовые,
Заросли пожни, заросли лесиночками,
Разорjali мужиков князя-бояра,
Князя-бояра да помещники;
В городах народ тулился совсем попусту,
На заводах-фабриках ни за что работали,
Свободной, пространной жизни народу не было,
Изгилялись над народом, надсмехались

Помешники-заводчики да царские опричники.
Денечки белые Сталин сидел за науками,
Ночки темные сидел с народом в рассужденьици,
Как уйти из той жизни погибшей, несправедливой,
Как вести народ к жизни свободной, прожиточной?
Не во гуляньици прошла его молодость,
Не во веселом пированьици со товарищами,
Прошла молодость во заботушках во великих,
Во заботушках во великих, в делах треложных.
Как узнали учителя про поздние хожденьица,
Про речи его про мудрые, про его правду сущую,
Про дела его для народа справедливые,
За то на него да разгневались,
Разгневались да разгубились,
Рассвирепели, будто львы страшные,
Отказали ему да от всякого ученьица,
Выгнали его да вон из училища.
Уж как стал он тут летать по стране кавказской,
По славна кавказской ясным соколом,
А поезживать-то стал добрым молодцем
По тем городам да по деревенькам,
Стал собирать себе дружиночку верную,
Стал собирать народ к восстаньицу великому.
Ездили-прорыскивали опричники царские,
Искали его по утру, утру ранному,
Искали его середь денечка белого,
Искали его середь ночки темной,
Они у каждого выспрашивали-выведывали,
Чтоб найти его да схватить его.
В одну пору, в одно времячко,
По вечеру было по позднему,
По закату соньца красного,
В один домичек зашли урядники,
А на постелечке лежал славный Сталин-свет,
Перевязана у него была голова платочком,
Он лежал, будто больной стонал,

Будто больной стонал да помирать хотел.
Увидали урядники, стали спрашивать,
У хозяйшки стали выведывать:
„Какой это у тебя же гость,
С какой стороночки, с какой деревеньки?“
Она же им ответила:
„Незнамый-незнакомый забрел ко мне,
Ничего я не могла от него дознаться,
Наверно скоро помрет же он,
Скоро будет ему кончинушка-преставленьице*.
Очень мудра была хозяйшка,
Во всех делах была догадлива,
Во порядочках потаенных обычная,
Мудро она урядникам ответила.
А они ни о чем не догадались,
Не догадались, не дознались,
Что это был сам великий вождь,
Великий вождь да славный Сталин-свет.
А не в долго времячко они схватились,
Они в тот домичек опять воротились,
Стали хозяйку снова спрашивать:
„Где больной, который лежал у тебя?
Одна кровать, а больного нет нигде!“
Она-то им ответила:
„Дела до него мне-ка не было,
Ни о чем у него я не спрашивала,
Я сама думала, что больной он есть,
Больной же есть да помирать готов,
А вдруг вскочил он, убежал от меня,
Только след простыл, только его видела*.
Покачали они головами, не при чем остались,
Руками разводили, что из рук повыпустили,
Искали-ездили да разыскивали,
Да нигде его не поймали.
И летал соколик, ясный сокол,
По всем сторонам по кавказским,

От Черного от морюшка до Хвалынского,
От Хвалынского морюшка до Черного,
По горам-то он да по долинам,
По горам, по селам, по деревенькам,
Ходил он по рабочим во тайности,
Ходил он по чернопахарям во скрытности,
Обучал народ-людей все ведь к лучшему,
Чтоб порушили народ жизнь старопрежнюю,
А содвигнули бы жизнь ведь новую,
Жизнь ведь новую да самую лучшую.
Недолго ясный сокол летал на волюшке,
На волюшке да на свободушке:
У того ли у морюшка у Черного,
Во том ли во городе в черноморском,
В котором я теперь была,
Нагрянули на него злодеи немилостливые,
Злодеи немилостливые, царские опричники,
Захватили добра молодца в неволюшку,
Засадили его да в темну темницу,
Заклучили в злодейку заключенную,
За те ли за замочки за висучие,
За те ли за каравулы за строгие,
Стерегли его день и ночь они,
Не видел он да соньца красного,
Не видел он луны да поднебесной,
Не видел он частых-светлых звездочек.
Как сидел он в темной темнице,
От ученьица он не отставал никак,
Он писал-прописывал скоры грамотки,
Подавал эти грамотки во окошечко,
Во окошечко он да все в решоточку,
В рукописаниях вес было прописано,
Как нужно жить да как дела вести.
Разузнали урядники, разгневались.
Доносили царю скоро объявленьице,
Что засажен Сталин в темну темницу,

Куда его да отослать сейчас?
По приказаньицу было отписано,
По повеленьицу было приказано,
Отослать-отправить в дальнюю ссылочку,
В ссылку дальнюю, в страну северную.
Как по осени было все по поздней,
Когда подынулись-то ветры буйные,
Заходили тут да волны страшные,
Расшумелось-разревелось море Хвалынское,
Расшумелось-разревелось море Черное.
Как во ту пору, во то время,
Выводили вождя славна Сталина,
Славна Сталина, Иосифа свет Виссарионовича,
Как вели-то его под строгим каравулом,
Чтоб отправлять его в ссылку дальнюю,
В ссылку дальнюю, в страну холодную,
Откуда птицы-то улетают прочь,
Чтоб не заморозить своих крылышков,
Своих крылышков, птичьих перышков.
На ногах у него органы железные,
Руки запутаны во цепи тяжелые,
Он стоит — на нем платье да все не теплое,
Отсылали его без одежды, без обуточки;
Народ-люди все да ужახнулись,
Скидывали одежду с себя, обуточку,
Они давали ему платье теплое приодетися.
Тут сходилися народы да все скоплялися,
Всем хотелось им проститися.
Загораживали путь-дорожечку урядники,
Разбивали они народ да все расталкивали,
Не дозволили они с вождем проститися.
Со улыбочкой возговорил тут великий вождь:
„Наше времячко придет, не минуется,
Придет, прикатится счастливый день,
Придет, пробьет веселый час!“
Недолго сидел во ссылке славный Сталин-свет,

Своею храбростью очень храброю,
Натурой славной своей геройскою,
Такую думушку продумал он:
„Мне не честь будет молодецкая,
Не подвиги славна геройские,
Не при чем мне здесь находится,
Будто птица поймана сию в клеточке,
Мне-ка нужно скорее собираться,
В путь-дорожечку отправляться!“
Не задержали его замки висучие,
Не укараулили его слуги царские,
Вылетел ясный сокол на волюшку,
Летел-брел он середь ночки темной,
Шел он, брел снегами белыми, глубокими,
Не боялся он зверя лесного, рысучего,
Не страшился врага вредного, погубительного;
Летел он через леса, леса темные,
Через те ли моря очень глубокие,
Через жидки он летел через болота,
Через тихие летел он ведь заводи,
Через быстрые летел он ведь реченьки,
Долетел до гор до славна кавказских.
Он вернулся ко своей ко славной дружиночке,
Начал он снова по городам похаживать,
Начал он снова по деревенькам поезживать,
Стал опять вести дела все попрежнему:
Как восстать восстаньцем великим
Против царя-идолища, против князей-бояр,
Против помещников, против заводчиков?
Из уст его слова золотые неслися,
Руками белыми писал он скоры грамотки,
Он писал, другие пропечатывали
В подземельных в тайных помещеньицах,
В пещерах во глубоких, во подвалах во широких.
Я смотрела помещеньице подземельное,
Это строеньице было мудро устроено:

Ходы тайные были туда да потаенные,
Перелетной птице не залететь туда,
Царским урядникам не пробратися,
Не узнать про то, не догадаться,
Про дела тайные, про очень мудрые,
Какие там свершали герои народные.
Я спускалась по лесенке в подземельице,
Я видела, где стоял у них стол со буквами,
Из этих букв неслась по народу правда сущая
За жизнь за новую, за счастливую.
Красно солнышко светило на небушке,
А у них-то не светило соньце красное,
Будто сидели они в темной темнице,
Каждый час-минуточку остерегались,
Остерегались, а дела свои не побрасывали,
Они писали-печатали мудры грамотки,
Не страшились они страшной ужастии,
Не боялись они смерти скорой,
Они вели дела да как ведь следует.
Как из того из подземельного помещеньица
Развевалась вся правда великая
По всем странам по тем кавказским.
В том домике над помещеньицем подземельным
Была комната в два окошечка,
В нем жила-проживала славна женщина,
Будто за хозяйку жила, за каравульщичка,
За товарища жила она за верного,
Она вместях с героями подземельными думу думала,
Охраняла их от опричников, от урядников,
Подавала она знаки скорые, потаенные:
Первый знак — урядники подходят к ее домику,
Второй знак — все обошлось по-хорошему,
Можно приниматься за работушку подземельную.
Не мало прошло, прокатилось времечка,
Три годочка прошло поры-времени.
По весне то было по прекрасной,

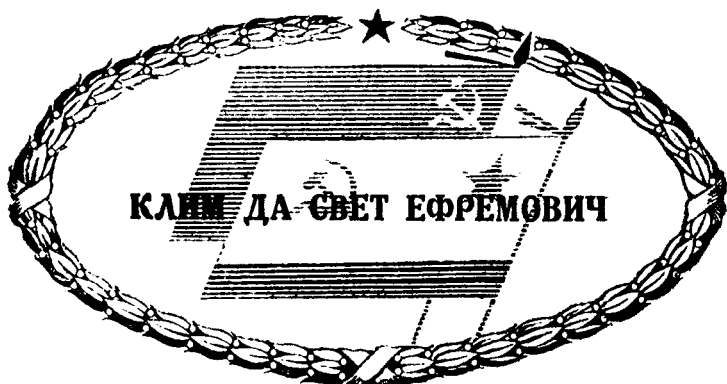
По восходу да соньца красного,
Не черные те вороны слетались,
Не звери лютые сбегались,—
Царские слуги тут нагрянули,
Со опричниками, со урядниками,
Закричали они да по-звериному,
Зашипели да по-змеиному,
Никуда от них, от злодеев, не укрытися,
Во темных лесах дремучих прорыскают,
На горах на высоких от них не утулитися,
Доберутся-найдут и в матушке сврой земле.
Как нагрянули они, наехали,
Разбили все, разрушили, приломали,
Засыпали они помещеньице песками желтыми,
Зажигали огонь, пожар делали,
Добрых молодцев захватили в неволюшку,
Заключили их в злодейку заключенную.
С той женщиной, с каравульщицей я познакомилась,
Познакомилась да поздоровалась,
Она жива еще, видом веселая,
Рассказала она мне про все дела,
Как велись они в ихнем подземельице,
Как она от урядников скрывалася:
Она надела тогда платье черное, сокрытное,
И ходила будто монашенка.
Которые из дружинушки были не пойманы
Да на свободушке оставлены,
Они своего дела не побросили,
Состроили они помещеньица подземельные
У того ли у морюшка у Хвалынского
Да писали-печатали опять скоры грамотки.
А всеми делами правил славный Сталин-свет,
Во делах во всех он был догадливый,
В обычаях-порядках тайных был настойчивый.
Погубить его хотели злые урядники,
Укоротать хотели его веку долгого,

Лишить хотели его свету белого,
Надсмехались над ним да изгилялися,
Они хотели, злодеи, его живком сглотнуть,
Они хотели, злодеи, его водой залить,
Они хотели заморить его смертью голодною.
Не по ихнему пало да все хотеньицу,
Не давался мудрый богатырь в руки ихние.
Уж сажали его злодеи в темны темницы,
Выходил из темной темницы наш Сталин-свет
Будто из какого-нибудь заседаньица
Со веселой он да со улыбочкой.
Он ходил, опять похаживал по земле кавказской,
Куда пройдет он — там трава растет,
Там трава растет, там ключи пробьют,
Правда справедливая пред ним знаменовалася.
Все работнички заводские да чернопахари
Шли за ним да целой массою,
Уж как был-то он для них вождем верным,
Вождем верным, товарищем неизменным,
Во всех делах для народа первым способщиком.

Не два ясных сокола слеталосся,
Не две зорюшки утренних сходилося,
Не две крутых горы содвигалися,
Не красно-то золото с золотом сливалосся,
Не чисто серебро с серебром ссыпалосся,
Во ту пору, во то давнее времячко
Славный Ленин-вождь со Сталиным сходилися,
Они сходилися да поздоровалися,
Поздоровалися да познакомилися,
Соглашались они заодно думу думати,
Заодно думу думати да дела вести,
Меж собой вожди заповедь великую положили:
Всю жизнь отдать за права-дела да всенародные.
Все премудрости они народу дали,
Со того Кавказа до самого до Севера,

Обучили народ со старого всех до малого,
Чтоб стоять всем за правду сушую,
За жизнь свободную, за пространную.

Как приеду я во свой край во северный
Ко тому ли ко морюшку ко Белому,
Во деревеньку свою в Золотицу,
Встретят меня, будут спрашивать
Все со старого до малого,
Уж услышат они мои речи, задивуются:
„Почему так случилось-приключилось,
Что тебе такое счастье привалилось:
Видела ты славный прекрасный Кавказ,
Видела народ-людей из разных племеней,
Видела-то родину дорогого вождя Сталина!“
Пропевать я буду, рассказывать
Про все прелести во путях-дорожках,
Про новую жизнь да все про нонешнюю,
Про жизнь пространную и счастливую,
Про счастливую да про таланную,
Пропевать-возвеличивать буду вождя Сталина,
Его справедливые дела, очень мудрые,
Много жить ему да долго здравствовать,
Получить ему за все подвиг победный.

У того ли у моря у славного,
У славного моря у Белого,
На самой на стороночке на северной,
На крутом бережочке, у желтого песку
Сидел добрый молодец Клим Ефремович,
Свет Ефремович Ворошилов-млад.
Он сидел да призадумался,
Призадумался, запечалился.
А для него-то, для добра молодца,
Не шумит, не поет да море Белое,—
У него на душе тоска-горюшко,
Есть обидушка да великая,
Есть заботушка да немалая:
Не по своему-то приехал он хотеньицу,
А по государеву указу в ссылку дальнюю.
Он во странах жил во летних,
Во степях-то жил во днепровских,
Во работушке, в кузнецах стоял,

В кузницах стоял, держал молоты,
Он калил-ковал железо булатное,
Чтоб ратовать против порядочков насильничьих,
Против всего того строя поганого,
Чтоб ратовать им за свободушку,
За свободушку-то, за счастье народное.
Тут схватили его, добра молодца,
Те ли слуги царские да урядники,
Засадили Ворошилова в темну темницу,
За те ли за замочки за тяжелые,
Морили его там смертью—голодом,
А из той ли из темной темницы
Да отправили они добра молодца
Как во дальнюю во стороночку
Ко тому ли ко морю ко Белому,
В наши края треложные, студеные.
Клим Ефремович сидит с тоской, горюшком
На крутом на бережочке, у желтого песку,
Глядит-смотрит он на волны морские,
Думу думает про народ про свой,
Как народ спасти, вывести из гибели,
Вывести из гибели, из неволюшки повыручить.
Как летели тут птицы перелетные,
Перелетные птицы гуси-лебеди,
Из поднебесья к нему они спускалися,
Принесли они ему да скору весточку,
Эта весточка была очень чудная,
Очень чудная да очень мудрая
От вождя великого от Ленина.
Ленин-вождь про все писал да прописывал,
Вызывал к себе он друга верного
На свиданьице да на обсужденьице,
Чтоб решить дела да все народные.
„Ой, спасибо вам, гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, птицы вольные,
За то посланьице от вождя Ленина,

Этой весточке я рад-радешенек,
От сердца полного хочу повидатися,
Совета мудрого попросить его!
Но как уйти ему, как уехать
Из ссылки дальней, из страны полуношной?
Стерегут его царские опричники,
Не пускают его на светлу волюшку,
На светлу волюшку, на свободушку.
Денечки белые Ворошилов все продумывал,
Ночки темные Клим Ефремович промысливал,
Как бы свидеться скорей с вождем Лениным.
В одну пору, в одно времячко,
Среди ночи было, среди темной,
Постучался к нему наш молодой рыбак,
Постучался, разбудил его,
Говорил ему да таковы слова:
„Собирайся, Климушка, в путь-дорожечку,
В путь-дорожечку да во дальнюю,
Все во дальнюю, в любо-желанную,
В путь опасный, в потаенный!
У меня есть да лодка малая,
Хошь и малая, да надежная,
Привезу тебя, сохраню от ворогов,
Не возьму с тебя да ни копейки,
Отблагодаришь меня ты во времени
На Белом море погодушка великая,
Шумит-то море со дождями, со туманами,
Зверем страшным море вздымается.
В эту ночку страшную да в грозу бурную
Они сели, добры молодцы, в карбас-лодочку
Ворошилов-свет да наш мужик-рыбак,
Понесло их море в путь-дорожечку.
Ай темным-темна туча, туча грозная,
Волны взлетывают поверх карбаса,
Трудно, трудно добрым молодцам боротися,
Приустали их ручки натруженные.

А чтоб не увидала стража царская,
Чтоб не заметили урядники,
Чтоб не схватили царские опричники,
Чтоб не сказнили Ворошилову буйну голову,
Схоронил его рыбак на дне карбаса,
Призакрыл его сетью-неводом.
Плыли-ехали они не одну темну ноченьку,
Как доехали до восхода соньца красного,
До заката-то светла месяца,
Тут дала им погодушка поветерь способную,
Им способную поветерь, уносную,
Карбас по морю да как сокол летит,
Пронесла их та поветерь через окиян-море,
Донесла до тех до стран до норвежских же.
Расставались тут, распрощались добры молодцы,
Воротился рыбак ко морюшку ко Белому,
Ко своим ко сетям да ко рыбачьим,
А Ворошилов Клим свет Ефремович
Через заморские города, через селеньца
Он приехал-то к вождю Ленину.
Как схватилися царские опричники,
Стали сыскивать Ворошилова да разыскивать,
Всю деревеньку пообрыскали,
Все кусточки они да поощупали,
Обошли везде да не нашли его,
А тому, кто найдет Клима Ворошилова,
Посулили, злодеи, чашу чиста золота,
Во-вторых — чашу чиста серебра,
Во-третьих — чашу скатна жемчуга.
Рыбаки-мужики, наши жители,
Улыбаются все, посмеваются:
„Нам не надобно красно золото,
Нам не надобно чисто серебро,
Не возьмем мы у вас и скатна жемчуга!
Вот летели-то гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, птицы перелетные,

Унесли его за окян-море на крылышках!“
Тут немало-то прошло поры-времени,
Как народ-люди взволновались,
Как стали-то они боротися за свои права,
За свои права за справедливые,
Возыграла тут наша революция,
Революция, восстаньице народное,
Да как все новы пути-дорожечки
По великой по Россее стали призадёржаны,
Призадёржаны, врагами загорожены,
Не пройти по ним, не проехать.
Загородили пути-дорожечки енералы с офицерами,
Енералы с офицерами, помещнички да заводчики,
Они хотели задержать права старые,
Права старые, права царские.
Простой народ за битвы принимались,
Пошла тут битва великая, кроволитная;
Против той ли силы белой погани
Поднялась тут славна Красна армия,
Они схватилися во схваточку боротися.
Не вешняя вода разливается,
Не морская волна да колыбается,
То поганая сила по степям подвигается,
И от того ведь от пару лошадиного
Дак померкла луна поднебесная,
По степям-то ветер пошумливает,
Мурава-трава к земле приклоняется.
Выступает против погани Красна гвардия
Из простого народу, из бедных родов,
Все работники заводские да чернопахари.
Ай впереди Красной гвардии сокол летит,
Ясён сокол летит, скачет добрый молодец,
Красный богатырь Ворошилов-свет,
А и скачет-то он на белом коне,
С ним Буденный Семен, удалой боец,
Удалой боец на вороном коне.

Долго бились, боролись красные богатыри
С силушкой со белой, для народа ненавистною,
Они бились тут, стреляли боем огненным,
Могучи-то плечи да сшевелились,
Богатырские сердца да растреложились,
Лепета в лице да переменялась,
На праву руку махнут—валилась сила улицей,
На леву-то отмахнут—валилась переулками,
Разметали енералов в разные сторонушки,
Не оставили белой погани на семена.
Наступила жизнь для народу тут счастливая,
Пошла-то жизнь пространная да прожиточная,
Непрожиточный народ сам хозяин стал,
Над своей страной да управителем,
Ай колхозы-то пошли у нас да по-хорошему,
Ай фабрики-заводы пошли да по-приятному,
Ай заводы наши лесные да очень чудные!
Уж ты, вождь ты наш Красной армии,
Оберегатель ты советской Россиюшки,
На тебя-то вся наша надеюшка,
Надеюшка да оборонушка,
Оборонушка да вся защитушка!
Ты гляди во все стороны во трубочку подзорную,
Чтоб по воздуху птицы хищные не пролетывали,
Чтоб звери рысучие по земле не пробегивали,
Чтоб гады ползучие не проползли никак
Через наши-то границы советские
На нашу землю на славную, на родную,
Чтоб не сгубили они жизнь нашу новую,
Нашу новую жизнь, жизнь счастливую.
Красна армия будь она в готовности
В каждый час, в каждую минуточку
С ворогами повстречатся;
Ворошилов Клим да свет Ефремович,
Будь ты у нас за Илью Муромца, богатыря,
За богатыря да за могучего,

А твой способничек, свет Буденный Семен,
Будь у нас за богатыря за Микулу Селяниновича!

Низкий поклон шлем тебе от моря Белого,
Будь счастлив и долголетний же,
Долго жить тебе да все счастливо быть,
Тебе, дорогой вождь Красной армии,
Велика-то честь и славушка
Ото всей страны нашей Северной
Ото всех людей со старого до малого!

В старинах-то наших пропевали-сказывали,
Будто богатыри на Руси повывелись:
Илья Муромец помер от старости,
Добрынюшка Никитич убили о камень-алатырь,
А молодые тридцать богатырей окаменели.
Много-то прошло поры-времени,
Не было про богатырей никакой весточки,
Да не повывелись русские могучи богатыри,
Они сидели-то в долгом ожиданьици,
Они сидели-то в премудром рассужденьици:
Когда дойдет до них счастливый день,
Счастливый день да веселый час,
Да вызовут их на подвиги геройские,
На подвиги геройские, для всего народу желанные.
Не окаменели русские богатыри,
Они накопили теперь силу многую,
Стала силушка сильней у них,
Стала мудрость-то мудрей у них.

„Почему гости незваные наехали?“
Разгубился царь морской, разбушевался.
Напускал-то погодушку очень грозную;
Зашумели-то волны гремучие, окиянские,
Да не уstraшились герои славна советские.
Не убоялись они страху царя морского,
Не убоялись они непогодушки окиянской.
На лединочке по окияну они носились,
В науках своих дела делали,
Над морским царем надсмехались:
„У тебя, у царя, борода седа, голова бела,
Да нет у тебя большой мудрости;
Не звать нас на смертное пированьице.
Мы обучены наукам превеликим, советским,
А твоя-то сила вся в сказках поисточилася!“
Уж как наши поморы беломорские
Очень удалы они на льдинах за зверем морским
плавати,

Да не видали они такого чуда чудного,
Да не слышали они такого дива дивного,
Как подвиг-то сделал славна богатырский,
Как проехал окиян-море на лединочке
Папанин Иван свет Дмитриевич со товарищами,
Со советскими мудрыми героями.
Приходила я да ко морюшку Белому,
На крутой на бережочек, на желтый песочек,
Вот глядела-смотрела в море Белое,
Не плывет ли та лединочка в наше морюшко,
Не поднесет ли эту лединочку со героями
Тихо-кротко ко самому ко бережочку,
Не зайдут ли они во нашу во деревеньку,
Гости дорогие да очень ценные,
Вот уж будет тогда возрадованьице!
Дак не по нашему было по счастьюцу,
Не так случилось, как хотелось;
Взбушевалась погодушка окиянская,

Со ветрами пала да со туманами,
Ветры пали да не попутные,
Унесло их по теченьицу в друго море,
Разломало-то их лединочку на кусочки на мелкие.
Тут пришло-то положеньице само гибшее,
Да не устрашились они смертной ужасте,
Они с ледины на лединочку перескакивали,
Собаку, друга верного, с собой перенашивали,
Во крушеньице своих наук не побросили.
Получал скору весточку дорогой же вождь,
Дорогой же вождь, славный Сталин свет,
Прочитал он да не замешкался,
Снаряжал он паровые скоры леодоколики,
Отправлял их для папанинцев,
Чтоб спасли всех до единого.
Из Мурманска-то из города,
Из той гавани из карабельной,
Выходили-то тут леодоколики,
Леодоколики, наши советские соколики;
Не пароходами шли, летели птицей перелетною,
Делали они путь-дороженьку очень скорую,
Им путь-дорожечка посчастливилела,
Ихне плаванье было удачливо.
По утру, по утру ранному,
По восходу соньца красного,
Увидали папанинцы, будто небушко освѣтилось,
Услыхали они, будто шум шумит, да не лед гремит;
Как прилетела тут птица-сокол перелетная,
Принесла-то им весточку веселую:
„Скоро, скоро дак дойдут до вас,
Пробьют-проломают лед, разрушат его,
Как подойдут-то советские славные леодоколики“.
Не вешняя вода да разливалась,
Леодоколики-то все приближались,
Обошли кругом да подошли же к ней,
Ко лединочке, ко обломочку,

На лединочке добры молодцы дожидались;
А не золото с золотом сливалось,
А не серебро с серебром стекалося,
А не два ветра в море слеталося,
А не две горы вместях сходилося,—
То герои к героям по лединочке подвигались;
Тут встречи были очень чудные,
Очень чудные да очень дивные,
Они свиделись да поздоровались,
Со улыбочкой целовали в уста геройские.

Ай славны их подвиги, славны геройские,
Им славу будут петь все народы разных племеней,
Пропевать-то будут со старого до малого,
Пропевать будут по городам и по деревенькам,
Ихня слава вечно не минуется!
Я приехала-то от морюшка от Белого,
Из той из деревни из Нижней Золотицы,
В каменну Москву, в стольный град народа советского,
Чтоб от поморов от всех передать по привету,
По привету да по низкому поклону,
Пожелать-то нашим героям жизни долголетней,
Долголетней да все счастливой!

С малых лет пропевала я про каменну Москву,
Про стольный град народа русского,
Изо всех веков она была сама древняя,
Изо всех она была столиц сама первая,
Самая первая, любожеланная.
Пропевала я про славных московских богатырей:
Про Иванушку Гоненовича, про его подвиги
богатырские,
Про Рogaдая — богатыря очень сильного,
Про Потанюшку, про богатыря очень мудрого,
Про Скопина-князя, Михайла Васильевича,
Все богатыри охраняли каменну Москву,
Они стояли на заставах богатырских,
На тех ли на горах славна Воробьевских,
Чтоб не смели подойти неприятели к граду стольному.
К ним съезжались-скопьялись богатыри из Киева:
Приезжал-то Илья Муромец, сын Иванович,
Приезжал-то к ним Микула Селянинович,

Приезжал-то к ним Добрынюшка Никитич млад;
К ним съезжались-скоплялись богатыри из Новгорода,
Приезжал-то Васильюшко Богуславьевич,
Приезжал-то к ним Костя Новоторженин,
К ним съезжались-скоплялись богатыри рязанские.
Заодно они думу думали,
Заодно они все мысли мыслили,
Заодно они мудру речь говорили,
Одни подвиги делали богатырские.
Всем хотелось королям забрать каменну Москву,
Подходили они с силой многою,
Ясну соколу ту силу не облететь,
Добру молодцу не объехать на добром коне.
Не страшились богатыри ихней силушки,
Не ужახались наши богатыри, не боялися,
У них своя сила была сильная,
У них своя мудрость была мудрая.
Когда придут они в положеньце геройское,
Богатырские сердца да растреложатся,
Лепета в лице да переменится,
Могучи плечи да шевелятся,
Сабли вострые у них в руках засветят,
Они зачнут тогда держать да скорый бой,
Как мураву-траву станут покашивать,
Они зачнут тут силушку неверную побрасывать,
Как побрасывать-то силушку, покинывать,
Разбросают, раскинут силу в скорости,
Не оставят поганой погани на семена.
Приходила сила разная, неверная:
Когда княжил-то жил Димитрий, князь Донский,
Приходила сила разная, неверная;
Когда княжил Андрей, князь Боголюбский,
Нападала сила разная, очень многая,
Не могли-то они ничего захватить себе.
Всем хотелось повладать да каменной Москвой,
Всем хотелось тут сидеть предводителями,

Но ничего у них не сотворилось.
В одну пору, в одно времячко
Подошел король французский со войною,
Он раньше времени, нахвальщик, похвалялся:
„Зайду, зайду да в каменну Москву,
Зайду в Москву да буду царствовать!“
Не по его желаньицу-то случилось,
Не по его хотеньицу приключилось,
Не удалось злодею завладеть Москвой,
Его выгнали русские богатыри,
Они избили его силушку великую,
А король со стыду побежал в бегу,
Он бежал-бежал да заклинался-то:
„Не хочу я больше бывать в каменной Москве,
Не хочу-то больше видеть русских богатырей,
У них сила-то ведь есть очень сильная,
У них мудрость есть да очень мудрая!“
Уж как в нонешное, в наше времячко,
В наше времячко во теперешнее
Каменна Москва вся изукрашена,
Изукрашена да изнаряжена,
Есть на что посмотреть, полюбоватися,
Глазами-очами не обозрети такой прелести,
Умом-разумом не обмыслити такой премудрости
Хороша она стоит со башнями со высокими,
Со всей прелестью, с красотой кремлевскою,
С высокими со башнями, со звездами блестящими.
От них светлы лучи да рассыпаются
По всей славной стране да всесоветской;
Хоромы-строеньица воздвигнуты очень чудные,
Торны улочки-переулочки стали очень широкие
Сады везде зеленые, прекрасные,
Под землей ходят машины подземельные,
Машины подземельные, самокатные,
Под землей светит будто луна поднебесная,
Под землей светят будто светлы звездочки.

Диво дивное да чудо чудное:
Под Москвой море славное разливалось,
Из того морюшка, из славна московского
Протекла река да к самому Кремлю,
По той по глубокой по реченьке
Плывут чернены больши карабли,
Со грузами они со разными,
Со народом из разных племеней.
Москва-река стала очень могучая,
До дна длина очень глубокая,
А прежде воробьи птичьих ног не замочивали.
Где-ка были луга зеленые,
Где-ка росли цветы лазуревые,
Где-ка стояли леса дремучие,
Где-ка деревеньки были со поселками,
Теперь-то морюшко глубокое,
Славное да хвальное море московское,
Такой обычай пошел в народе советском:
Что задумает человек своею мудростью,
То и совершается.
Один мудрец в Москве всех мудрее есть,
Его сила всех сильнее есть,
Со своей с дружиночкой со верною,
Со всем народом со славна советским
Он совершает дела очень дивные,
Очень дивные да очень чудные,
Для всего народу дела желанные;
Этот мудрец—дорогой же вождь,
Дорогой же вождь, славный Сталин-свет!
Уж ты славна, прекрасна каменна Москва,
Ты над всеми городами всех прелестней,
Светишь-блестишь будто красно солнышко,
Самоцветный, дорогой ты наш камешек,
Дорога-скатна ты наша жемчужинка,
Возвеличивают тебя народы разных племеней,
У каждого народа ты в сердечушке закорененная!

Долго жить тебе, Москва, вечно здравствовать,
Ни одну врагу не зайти к тебе,
Не зайти к тебе да не показаться,—
Не допустят советские могучи богатыри,
Они стоят на охране, на заставе богатырской,
Они глядят-смотрят да все поглядывают,
Чтобы черный ворон не залетал же к нам,
Чтобы зверь лютый не забежал же к нам,
Чтоб гад ползучий не заполз же к нам,
Чтобы змея шипучая не показалась.
Прощай, прощай, Москва белокаменная,
Прощай, прощай, славна Москва-река,
Прощайте вы, чудны горы Воробьевские,
Прощай, знаменующее знамя советское,
Знаменуйся, развевайся над кремлем-стеной!
Прощайте, блестящие звезды, чудна-яркие,
Просветывайте вы надо всей жизнью советской!
Приходит времячко мне распрощаться,
Мне наверно боле не бывать в Москве,
Распрощаться с тобой да разлучиться!
Про тебя ведь, славна каменна Москва,
Про стольный град народа советского
Пропевать я буду в пропеваньцах,
Говорить я буду в рассказаньцах.

Нашему Белому морю на тишину,
Москве-реке на честь, на славушку на великую,
Всему-то народу советскому
Посылаю по привету, по низкому поклону,
По низкому поклону с челобитьцем!

Широко Волга-река разливалась,
Протекла, подошла она ко городу,
Ко тому ли ко славному Нижне-Новгороду,
Там ведь жил-проживал удалый добрый молодец,
Из простых-то родов был да из бедности,
На отход ходил да он везде бывал,
Он везде бывал да он всего видал,
Жизнь прошла его не во гуляньици,
Не во веселом-то пированьици,
Не привелось ему позабавлятися,
Играми молодецкими поутешатися,
Жизнь сиротская шла, бесприютная,
По деревенькам ходил, по городам смотрел,
Смотрел-то он да опримечивал,
В науках мудрых искал счастьяца;
За его судьбину за очень горькую
Дак прозвали его Максимушкой Горьким.
Трелога была в делах его немалая,

Были многи заботушки у него великие,
Мудры люди ему-то дивовались,
Глупы люди над ним-то надсмехались,
Как денечки белые он прохаживал,
Как ночки темные он продумывал,
Чтоб простому народу талан-счастье дать,
Жизнь просторную, жизнь свободную.
Прошло много-то поры-времени,
Уж как стал добрый молодец на возрасти,
Как ясён сокол на возлети,
Набрал он от жизни полного ума-разума,
Он ведь слышал в себе силушку великую,
В руках перышко у него было лебединое,
Писал-прописывал он рукописанья очень чудные,
Очень чудные да очень волшебные,
Как писал-то грамотки словами золотыми.
Дак прошла про него славушка великая
По городам по всем да по деревенькам,
Уж как стал он всему народу учителем в образованьици,
В образованьици, в премудром-то обученьици,
Уж как стал он свыше мудреца-северьянина Ломоносова,
Уж как мудрее он был восточных филоствдох.
Возлюбили его вожди великие,
Первый вождь—Ленин Владимир Ильич,
Другой вождь—наш Сталин-свет,
Уж как был он им другом верным,
Другом верным, неизменным,
Они вместях да думу думали,
Они вместях совет советовали,
Они вместях да речь говбрили,
Они вместях чудно дело делали
Для народу нашего, для всего советского.

Завелись у нас злодеи, чудовища страшные,
Задумали погубить рыцаря премудрого,
Рыцаря премудрого, сочинителя великого,

Дорогого всему народу, очень милого,
Погубить его да отравить его.
Недолго, злодеи, они думали,
Отравительной травы да приготовили,
Люта зельица ему насыпали,
Они мучили его муками ядовитыми,
Разлучили его да со белым светом,
Очи ясные его да призакрылися,
Уста печальные его замолкнули.

Я живу у морюшка у Белого,
Во деревеньке в родной Золотице,
Никогда не забуду я Горького Максима:
Обучал он народ к счастью лучшему,
К счастью лучшему, к наукам-образованьицу,
Он с народом жил по-простому,
Он ведь знал долю бедную, старопрежнюю,
Горьку, бедну жизнь деревенскую,
Несчастну, треложну жизнь городовую.

Как пришла эта весточка нерадостна,
Вода в нашей речке Золотице помутилася,
Бело морюшко всколыбалосся,
Морской волной да разливалосся,
Народ-люди ужахнулися,
Ужахнулися да запечалилися.
Много мудрости было в его буйной головушке,
Много трепета было в его ретивом сердце,
Да не привелось ему на свете полный век прожить,
А не стало у нас премудрого сочинителя,
А не стало у нас друга верного,
А не стало у нас дорогого Максима Горького.

Быстры реченьки в половодье текут,
Слезы печальные из очей бегут-катятся:
Потухла наша звезда светло-поднебесная,

Погасла-то у нас заря утренняя,
Как не стало у нас дорогой скатной жемчужинки,
Как не стало у нас драгоценного камешка,
Дорогой у нас не стало вершиночки,
Золотой-то у нас не стало прядочки,
Погинула краса-мудрость его всепрекрасная,
Он не держит во рученьке перышка лебединого,
Он не пишет нонче ученой грамотки,
Он ушел от нас, укатился ведь,
Как ко стене-то ко славна кремлевской,
Как во могилушку-то во глубокую.
Да не для того на небе красно солнышко,
Не для того белый день освещается,
Чтоб закрывался он тучей темною.

Пушай мудрость твоя великая не забудется,
Вечно будет про тебя вспоминаньице,
Вспоминаньице да пропеваньице,
Вечна славушка твоя да не минуется!

Как во прежню жизнь, во прежде времячко
Не хотелось итти ребятам во солдатики царские,
Во солдатах жизнь была тяжелая, непереносная.
Как солдатики у нас отправлялися,
Вся деревенька тогда скоплялася,
Провожали тут ребят новобранных-то,
Во слезах родна матушка речь говорила:
„Накатилась на нас да туча темная,
Отстоялась она над нашим домом-то,
Над моим над. роженным, над сердечным-то,
Над его-то молодецкой головушкой;
Как ведь тучу темную не пронесет никак,
Не разобьют ее да ветры буйные,
Не из морюшка эта туча накатилася,
Не с крутых гор с наших со высоких-то,
Накатилась туча, туча темная
Из Питенбурха, от царя Белого,
От его ли приказаньица-повеленьица.

Вызывает он ребят во солдатушки,
Забривать будет всем головушки.
А ты прощай, прощай, мое чадо милое,
А ты прощай, прощай, дитя сердечное,
А ты прощай, моя краса молодецкая,
А ты прощай, звезда моя поднебесная,
Из очей ты уходишь, укатываешься,
Ох, тягтешенько мне, тошнехонько,
Много-много уходит солдат во дорожечку,
Много-много назад не ворочается,
Туда ведь дорожка очень широкая,
Назад-то дорожка очень узкая,
Мне тебя, дитятко, больше-то не видывать,
Мне тебя слыхом-то больше не слыхивать!“
Уходил-то парень во солдатики
От отца да все от матушки,
От своего от дома родного,
Жил-служил парень много поры-времени,
Ни в чем проходила его млада молодость,
Не в ученьици да не в образованьици,
Жили-то солдаты в жизни путаной;
Служба долгая была, жизнь треложная,
Бились-воевали солдаты, да чести не было,
Ни за что они теряли свою силушку великую,
Не прославляли ведь солдатиков делами геройскими,
За собак цепных, за зверей лесных,
А не за героев славных их славили;
Уходил солдатик — хозяйство разваливалось,
А и приходил он — оно не содвигнуто,
Оставался он жить мужиком-деревенщиной.
А во нынешню жизнь во новую,
Во нынешно времячко во счастливое,
Как идут-то молодцы в Красну армию,
Скопляется-собирается вся наша деревенька.
Уж как веселы все да веселехоньки.
Отец с матушкой да не печалятся,

Спровожают сына со веселой со улыбочкой;
Как ребята-парни, их товарищи,
Они песни поют да дивуются:
„Ты счастливец, друг-товарищ наш,
Во счастливу ты родился во планетушку,
Во звезду ты родился во блестящую,
Твоя талань-то очень удачлива,
Ты пойдешь-то, поедешь, добрый молодец,
Во путь, во дорожечку во счастливую,
Как во славну-то, во хвальну Красну армию,
Встретят тебя там со великой радостью,
Там обучат тебя разным наукам премудрым,
Не будешь ты жить мужиком да деревенщиной,
Вернешься из Красной армии во всей премудрости,
Не солдатиком простым ты вернешься,
Ты придешь — будешь младым полковничком,
Не матросиком простым ты вернешься,
Ты придешь — будешь старшим штурманом!“
Уходит-то молодец в Красну армию,
Не тужит молодец о своем дому:
Его дом-жизнь деревенская не разрушится,
Колхозна жизнь ведь очень содвижная,
Все в колхозе будет в удовольствии,
Отец с матушкой останутся при содержаньици,
Молода жона останется при полном пропитаньици,
Как вернется — хозяйство содвигнуто лучше прежнего.
А как сделает молодец подвиги геройские,
Все дивоваться будут со старого до малого.
Уж как солдатики нашей Красной армии,
Они-то в нашей земле советской
Вроде рыцарей пречудных да богатырей пресильных.
Красной армии честь-славушка великая
За охраненьице всей родины Советской,
За ученьице да за премудрое образованьице!
Это счастье во свете само лучшее:
Кто идет во солдатики Красной армии!

Широка-велика страна наша колхозная,
Сколько разности в ней, сколько прелести!
Глазами-очами не обозрети,
Умом-разумом не обмыслити:
Я проехала от Белого от моряшка, от Севера,
Всю страну нашу пространную
До самого до Кавказа прекрасного,
Видела я много колхозов разных племеней,
У нас-то на Севере идут колхозы рыбные:
По лету промышляют они рыбу-краснорыбицу,
По зиме по холодной промышляют зверя морского.
А как проезжала я по земле советской,
Видела я пашни очень широкие,
Разлились они, как моря глубокие,
Не просмотреть их в трубочки подзорные;
Пахари пашут не сохою, пашут машиною,
В край поля уедет машина—другого не видать,
Будто пашет сам богатырь Микула Селянинович.

Видела я колхозы в странах кавказских:
Сады у них прекрасные, зеленые,
Со древами они со растущими,
Со фруктами, со сладостью со разною;
Видела в колхозах стада многие,
Скот ходит-пасется по долинушкам,
По долинушкам да по горам крутым,
Не сосчитать его числом никак.
Не только богатство имеют колхозы рыбные,
Колхозы рыбные, наши дальнесеверные,
Имеют колхозы богатство и от пашней плодородных,
И от садов прекрасных со фруктами,
И от скота от разного доходного.
Во всех наших странах да в разных племенах
Народ-люди живут новой жизнью счастливою,
Жизнью свободной да прожиточною,
Они живут на свободушке, во своей волюшке,
Сам народ во всем себе управители.
Не у нас только в деревне Золотице
Собираются на вечерние вечериночки,
На вечериночки, на веселые беседашки,
Не у нас только поют песни веселые
Про нынешнюю жизнь про счастливую,
Слышала я много звука песенного
Во всех странах наших славна советских,
Пропевают все со старого до малого
Чудны песни, очень дивные.
Народ идут работать с честью-радостью,
Со великим идут с удовольствием,
Распевают они на работушке, будто соловеюшки.
Во старое время, во прежнее
Одно ведь званье было—мужик простой,
Мужик простой да баба-деревенщина,
А не простой народ теперь, не деревенщина,
Они все стали при образованьици,
При образованьици, при науках советских.

Вся жизнь колхозная у нас прекрасная:
И в странах-то в наших во северных,
Где вся земля снегами белыми завалена,
А льдами-морозами заморожена,
И в странах теплых, во прекрасных местностях,
Где горячо светит соньце красное,
Где лучи во струночки золоченые выигрывают.
Широка-велика наша страна колхозная,
Есть на что посмотреть, полюбоваться!
Раньше я пропевала про могучих русских богатырей.
Потому пропевала, что были они силой сильные,
Храбростью-то были очень храбрые,
Хорошо они охраняли землю русскую,
Землю русскую да всю Россиюшку;
А теперь-то наши славные советские богатыри
Во всех колхозах при работушке находятся,
У них ведь храбрости много, много силушки,
А ищо больше у них есть мудрости,
Эта мудрость перешла от вождей от наших
От Ленина-вождя да от Сталина-вождя.
Недолго черный ворон на отдыхе сидит,
Недолго земля-Ермания без вражды живет,
Не узнаешь, когда она придет войной,
В какой час, в какую минуточку,
По утру ли она придет, по вечеру,
Среди ли темной ноченьки?
Наши пахари-богатыри колхозные
Они всегда живут да при готовности,
При готовности, в ожиданьици:
Как нагрянет враг, они пойдут же в бой,
От полей плодородных, от садов зеленых
На скорый пойдут на поединочек-сраженьице,
Побьют-разобьют они врага лютого,
Врага лютого, к нам приходящего.
Много силушки славной в земле Советской,
Много мудрости у дорогого вождя у Сталина!

**ПРО НАШЕГО ПОМОРА
ПЕРВОГО ФИЛОСТОХА-МУДРЕЦА,
ПРО МИХАЙЛУ ЛОМОНОСОВА**

Не по битвам он ездил богатырским,
Не по заставам он ездил молодецким,
Ходил он по наукам по разным премудрым,
Уж как был он наш первый филостох-мудрец —
Михайла Ломоносов, наш северянин-помор.

Во единой во поморской во деревеньке
У рыбака-мужика да у помора
Было у него да чадо милое,
Чадо милое да его любимое,
На имя Михайла, по отчеству сын Васильевич.
Его отец да родный батюшка
Ходил-рыбачил в море наше Белое,
Проходил он до берега до Мурмана,
Ходил-то он из морюшка в окиян-море,
Промышлял он рыбу разную беломорскую,
Бил-стрелял он зверей морских.
Не удалось Михайле позабавляться с ребятами,

С молодежью погулять—походить по деревеньке:
Во-первых—нужно ездить с батюшкой-родителем,
С батюшкой-родителем на промысел,
Во-вторых-то—жизнь его была беспокойная:
Не с родимой жил он не с родной матушкой,
Жил-то он да с лихой мачехой;
Невзлюбила мачеха его, не вознавидела,
Она хотела заморить его смертью голодной,
Она хотела отдать его на съеданьице
Волкам серым да медведям белым.
По его было по талану да все по участи,
Не привелось злодейке погубить его,
Извести, лишить его жизни молодой;
Не замог добрый молодец переносить обидушки,
Изгиленьица да разного огрубленьица,
Он задумал-то думу очень крепкую,
Как от злодейки лютой избавиться,
Избавиться, освободиться,
Задумал бросить он жизнь деревенскую,
Захотел взять жизнь ведь лучшую.

По закату было соньца красного,
Когда взошла-то луна поднебесная,
Когда заснул его родитель-батюшка,
Спал-храпел да он ведь крепким сном,
Когда заснула злодейка, люта мачеха,
В эту пору да в это времячко
Собирался да добрый молодец
Потихохоньку да очень скорешенько,
Надевал одежду саму плохую,
На девал на ноги валенки избитые,
Брал котомочку из парусиночки,
Брал он палочку подорожную,
Вышел тайно он из домика родительского,
Не грянул дверью и не брякнул же.
Оглянулся на свой дом на родительский:

Не провожает его отец-батюшка,
Не провожает его родна матушка,
Не провожают его да братья-сестрицы,
Не провожают его друзья-товарищи,
Будто не было у него роду-племени,
Будто не было у него друзей-товарищей.
Пошел-то он путем-дорожечкой,
Не окольною пошел, а прямоезжею,
По ней ехали мужики со товарами обозами,
Подошел Михайла к ним да низко кланялся:
„Уж вы здравствуйте, мужики да вы проезжие,
Проезжие да все артельные!“
Мужики стали его выпрашивать,
Они выпрашивали да все выведывали:
Он в каку путь идет да во дорожечку?
Рассказал тут Михайла да свет Васильевич
Про свою жизнь да про несчастную;
„Не замог боле терпеть я огрубленьица
От злодейки-змеи, лютой мачехи,
Путь-дорожечку держу я в каменну Москву,
Мне-ка хочется наукам обучитися,
Да нет с собой у меня именьяца-богачества,
Вот на мне одёжа—все состояньице,
Сделайте мне милость великую:
Провезите меня да в каменну Москву!“
Тут мужики переглянулись,
Переглянулись да ужахнулись,
Говорили они таковы речи:
„Нам не вред провезти тебя в каменну Москву,
Прокормить тебя да мы прокормим же,
Только будет неприятность превеликая,
Когда встанет-проснется твой родный батюшка!“

По утру-то было по ранному,
По восходу-то соньца красного,
Пробудился его да отец-батюшка,

Он схватился о своем о чадушке любименьком,
А его в домике не случилось.
Тут недолго родный батюшка разговаривал,
Одевался наскоро в платье дорожное,
Пошел-то он во конюшенку стоялую,
Выводил из конюшенки добра коня,
Запрягал его в сани выездные,
Он поехал догонять обоз.
Подъезжает его да отец-батюшка,
Он кричит-говорит да все такую речь:
„Не видали ли моего чада милого,
Чада милого, любимого?“
Мужики ему говорили, что не видели,
Скрыли-скрыли Михайлу-то Васильевича,
Рухлом разным на возу его призакинули,
Призакинули, призабросили.
Потужил-поплакал родный батюшка,
Он вернулся домой без чада милого,
От печали-горюшка расхворался он,
А лиха мачеха взрадовалася.

Тогда дорожки были не протоптаны,
Прямоезжие были не проторены,
Пала погодушка им очень страшная,
Нанесло-то снегу много белого,
Трудно-трудно привелось Михайле Васильевичу.
Шел ведь скучный он, очень нерадостный.
Мужики ему говорили,
Чтоб назад ему воротиться:
„У тебя есть пить-кушать у родна батюшка,
Тебе охота почему да все бродяжничать?
Бродяжить ходят люди посадские,
Люди посадские, а не домовые“
Как ни говорили ему, как ни уговаривали,
Не желает он воротиться:
„Мне не честь будет молодецкая,

Не похвальба будет богатырская,
Куда поехал—должон доехать,
За чем пошел—того должон дойти!“
Они ехали много поры-времени во дорожечке,
Снегами белыми их закладывало,
Ветрами северными их заветривало,
Да не утрашился он погодушки зимней,
Не ужаснулся он дальнего путешествия.

Не красно-то солнышко тут просветило,
Каменна Москва показалася,
Он смотрит-смотрит да дивуется:
Чудна-дивна славна матушка каменна Москва,
Со высокими она со башнями,
Хороша стена прекрасная кремлевская,
Высоки терема да со постройками,
Чудны-дивны лавочки торговые,
Видит он домики, здания ученые,
Где сидят добры молодцы, обучаются.
Подошел-то тут Михайла к наукодемни,
Он зашел-вошел в ихне помещеньице,
Познакомился да поздоровался:
„Уж вы здравствуйте, добры молодцы,
Добры молодцы да все ученые,
Все ученые да просвещенные,
Вы примите меня во премудрое ученьице,
Во премудрое ученьице, в ваше образованьице!“
Отвечали ему люди ученые
Они с гордостью со великой:
„Уж ты ой еси, простой мужик, деревенщина,
С кем ты вздумал думушку такую,
Кто научил тебя такую речь говорить?“
Они начали над ним надсмехаться,
Надсмехаться да изгиляться:

Ты должон, деревенщина, знать про то:
У нас здесь обучаются дети дворянские,

Дворянские да все боярские,
А не простые дети, не крестьянские!“
Во теперешнее-то время во советское
Каждый по желанию своему обучается,
А во прежнее время во досельное
Не приняли Михайлу Васильевича во ученье.
Не дали премудрым наукам обучиться,
Филостохской-то мудрости дойти ему.
Запечалился он да закручинился,
Растужился он да прирасплакался,
Во печалюшке речь говдрил же:
„Талан-участь моя ты бесчестная,
На родинах, верно, была ты уписана,
В жеребью ты мне повыпала—
Плохо жить мужиком-деревенщиной!“
По Москве по городу стал он похаживать,
Стал похаживать да все просматривать,
Чтобы с кем ему познакомиться,
Рассказать про свое горюшко-несчастье.
В скорости нашел человека очень доброго,
Через него-то и был принят в науки ученые.
Как сокол машет скоро правым крылышком,
Так наука ему открывалась премудрая.
Над ним дети дворянские-боярские надсмехались,
На него с гневностью они поглядывали,
Они думали меж собой да все мечтали,
Как повыгнать добра молодца из ученьица?
Он на них да не обижался,
Будто он, деревенщина, ничего не понимал,
А понимала все деревенщина да молчала.
Продолжал он ученье свое премудрое,
Силой стал ведь он сильней ведь всех,
А умом-то стал он мудрее всех.
Тут дворянские дети да боярские
Ужахнулись да сдивовались:
„Сколь же мудрый есть деревенский род,

Нам нельзя теперь с ним сравняться,
Он ведь будет теперь над нами старшим,
Нам ведь нужно ему низко кланяться,
Как просить его, чтоб обучил же нас,
Дал бы нам своей мудрой мудрости!“
Превзошел он науки из разных племеней,
Узнал про все земли, про разны их тайности,
Объяснять он зачал да все рассказывать,
По всем городам его наука передавалась,
По всем деревням-то прославлялася.
Открыл-то он скоро школочки ученые,
Те ли наукодемии премудрые,
Чтоб весь народ да все ученый был,
Чтоб ученый был да все премудро жил,
Стремился-желал он лучшу жизнь воздать
Своему народу славна русскому.
Один парень вздумал повидать его
Из нашей из деревни поморской,
Он ведь ночи-то не спал, думу думал,
День-то думал о свиданьици,
Ночку мыслил, как поскорее уйти,
Уйти-ухати в каменну Москву.
Как приехал он да в каменну Москву,
Зачал ходить он по улицам московским,
Начал тут поглядывать да посматривать,
У каждого у встречного выпрашивать:
„Где живет Михайла Васильевич Ломоносов?“
Отвечали ему люди встретные,
Люди встретные да все прохожие:
„Тебе зачем нужно про это знать?
Далеко, паренечек, задираешься,
Не бывать тебе да не видать его:
До небушка высоко, а до Ломоносова далеко!
Эх, какой оборванец-деревенщина
Хочет быть знаком с самим Ломоносовым!“
Подошла тут к нему вдова-женщина,

Стала с удовольствием его выпрашивать:
Откуда он да все куда идет?
Рассказал парень про свое любопытство великое:
„Хочу видеть Михайлу свет Васильевича,
Про него говорят, что очень кроткий есть,
Очень кроткий, очень милостливый,
Я хочу просить его мудрости,
Его мудрости, ученьица-образованьица“.
Говорила ему тогда вдовушка:
„Хороши дела твои, хороши мысли,
Ты пойдем ко мне—обогрейся,
Принимаю тебя за гостя дорогого;
У меня сыночек такой же был,
Три годочка как скончался, нет в живых его“.
Увела вдова парня дорожного,
Увела его да оприютила,
Напоила, накормила его с дорожечки,
Стал тут парень поживать у ней.
Приехал к ней знакомый из города Питера,
Он приехал к ней на свиданьице,
Увидал у нее парня прихожего,
Рассказала вдова да все поведала:
„Я просила его в сыновьях остатися,
А он у меня не остается,
Он желает ехать в город Питер на свиданьице
С Михаилом Васильевичем с Ломоносовым“.
Отвечал ей гость приезжий:
„Ломоносов Михайла свет Васильевич
Всех встречает-принимает, не отказывает,
Увезу я его к нему безденежно-бескопеечно“.
По утру встали, собрались и уехали,
Скоро приехали в тот славный город Питер.
Парень глядит на город, все поглядывает,
Все поглядывает да выпрашивает:
„Не в этом ли домике живет Ломоносов?“
Было скоро тут свиданьице назначено.

Свиданьице назначено часу в двенадцатом.
Как сказано было—дело сделано,
Повели парня-помора на свиданьице,
На коллдорике ему говорили:
„Вот зайди к этому дяденьке,
Дак он скажет про все,
Доведет до самого до Ломоносова;
Дяденька такой хороший, обходительный,
Через него сделаешь скорое свиданьице“.
Парень помор отворял двери потихошеньку,
Никого в палаточке не случилось,
Только один сидит добрый дяденька.
Когда зашел в палаточку небывалый гость,
Дяденька вставал скоро со стулика.
Парень ему поклонился:
„Здравствуй, дяденька, меня к тебе послали,
Ты научишь меня да мне расскажешь ли,
Как скорее увидеть Ломоносова?“
Говорил ему дяденька таковые речи:
„Как ты знаешь про Михайлу Ломоносова,
От кого слышал, от кого проведал,
Какое у тебя большое дело до Ломоносова?“
„Потому, дяденька, хочу я видеть Ломоносова,
Что он наш северный уроженец,
Я—парень тоже северный,
Земляка своего хочу повидати,
Хочу я с ним познакомиться,
Он, сказывают, добрый для всякого для бедного,
Хочу попросить его вот в каких делах:
Не поможет ли он мне в ученьици?
Мне-ка хочется мудрой грамоте обучитися,
Грамотну человеку есть всегда же путь,
Во всем путь-дорожка ему открытая“.
Возговорил тут Ломоносов,
Михайла свет Васильевич:
„Я исполню твою просьбу желанную,

Покажу скоро тебе Ломоносова,
Он ведь мне очень знакомый есть,
Я ведь с ним живу во близности.
Ты садись-ка на стул, отдохни же здесь!“
Он брал парня за ручку за правую,
Целовал его в уста во младые:
„Посиди ты недолго, дорогой же гость,
Я dokonчу сейчас свою скору грамоту,
Тогда пойдем поесть-покушать с дорожечки“
Сидел парень, поглядывал,
Как писал-прописывал грамоты Ломоносов,
Он не знал, что это Ломоносов сам,
Он ведь думал—дяденька добрый:
Сколь скоро бегаёт у него перо в руке,
Красиво он пишет мудру грамоту.
Скоро-скоро Ломоносов прикрывал дела:
„Пойдем, пойдем теперича, дорогой мой гость,
Теперь время у нас приходит обеденное,
Поешь-покушай ты со дорожечки,
А потом отдохнешь от труда дорожного!“
Как пошли они с Ломоносовым,
По его пошли по комнате по убранной,
А как в заднем уголочке тут ведь шкаф стоял.
„Прираздень-ка здесь одежду со дорожечки!“
Скинывал парень свою одежду-рубище,
Поглядел на нее Ломоносов-свет,
Вздыхнул тогда он тяжелехонько,
Побежали у него горячи слезы:
Он ведь вспомнил свою путь-дорожечку;
Ничего-то не сказал тогда парню он.
Как пришел Ломоносов в свою гридницу,
За собой привел мальчишку-оборванца,
Все ведь гости тогда сдивовались:
„Почему же оборванец попал к нему?“
Они зачали его тут выспрашивать:
„Кто смел оборванца пропустить к тебе?“

Отвечал тогда им Ломоносов:

„Вам кажется оборванец неприятелем,
А мне кажется оборванец дорогим гостем,
Дорогим гостем да многоважливым!“

Он сажал парня возле себя за стол,
Возле себя за стол под ручку правую.

Все гости сидели за столом невеселы,
Со злобной улыбкой поглядывали:

„Почему оборванец вместе с ними сидит,
Как невежа деревенская посаженная?

Что такое с Ломоносовым случилось,
В своем ли он рассудке, в разуме?“

Недосуг был парню тут стыдиться:

Он ведь кушал, очень едко ел,
Ломоносов ему кушанья подлаживал,

Подлаживал ему, накладывал.

Когда кончился у них обед,

Ломоносов сказал гостям:

Вы немного посидите-тка,
Мне-ка нужно сходить по делам по важным!“

Он повел с собой парня деревенского
Во тот ли в кабинет во свой убранный,
Отмыкал скоро свой он шкаф одежный;
Во шкапу этом было платьице повешено,
В котором Ломоносов приехал из дому родительского:

Тут висел простой кафтан деревенский,

Тут был кушак, которым опоясывался,

Тут висела шапка простая деревенская,

Тут ведь были валенки, рукавички,

Проста была сумка подорожная,

Тут ведь стоял у него посох подорожный.

Ломоносов возговорил-то:

„Ты послушай-ка, младый добрый молодец,

Прихожий ко мне, гость многоважливый,

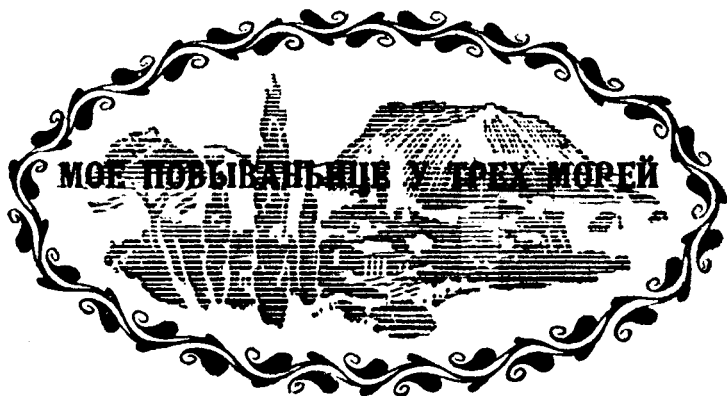
Теперича приводится времячко открыться,

Я хочу теперича с тобой познакомиться,

Ты желал ведь видеть в личность Ломоносова,
Дальняя у тебя была путь-дорожечка,
Путь-дорожечка была у тебя северна,
Та стороночка для меня очень чудная,
Очень чудная, очень милая,
Как за это тебя возлюбил же я.
Я ведь сам есть Михайла Ломоносов!“
Тут ведь парень обрадел тогда,
Он со радости заплакал, с ужаханьца,
Во слезах падал Ломоносову во резвы ноги,
Стал парень тогда извиняться.
Ломоносов подынул парня деревенского:
Не ужахайся, премладый добрый молодец,
У нас талань-участь с тобой парная,
Одѣжа у нас с одного плеча.
Не плачь, не треложься, младый молодец,
Будешь принят ты во ученьца,
Получишь какого хошь образованьца!“
Приодел, приобул он парня деревенского,
Дал ведь комнату, где мог он жить,
Дал ведь шкаф ему—платьца повесити,
Велел повесить в него платьце дорожное,
Чтобы знал он во годы во взрослые,
Как ушел он в ученьце из родной деревеньки.
На шкафчике написал Ломоносов таковы слова:
„В этом шкафчике платьце повешено второго
Ломоносова“.

Как у нас во славной Россиюшке
Был Ломоносов премудрым филостохом,
Он из родов из простых же был,
Из простых родов — поморский сын,
Во делах был очень догадливый,
В сочинениях он был очень ученый.
Наводил он трубочки-астрагоны в небушко,
Проглядел всю высоту поднебесную,

Спускал он трубочки-астрагоны в окиян-море,
Просмотрел он всю глуботу окиянскую,
Узнал через те ли трубочки подзорные,
Отчего светит солнце красное,
Отчего восходит луна поднебесная,
Отчего на небушке светлы звездочки.
Про него будет вечно пропеваньице,
По народам разных племеней рассказаньице.
Славному Белому морюшку на тишину,
Двине-то, реке северной, на честь, на славуньку,
А всему народу нашему на послушаньице.

Во всю жизнь свою я нигде не бывала,
Ничего-то в свете белом я не видала
Кроме своей родной деревни Золотицы,
Уж я думала — Белое море из всех морей море,
Северная наша Двина — из всех рек река,
Архангельск-город — из всех городов город,
Наши горы Зимнегорские — всем горам горы,
Наша деревенька Золотица — самая прекрасная,
А поморы наши северяне — из всех ребят бойчей.
Теперь-то я везде побывала,
Везде побывала, всего-то я повидала,
Видала я морюшка разные, очень чудные:
Длины-то у них не проглядеть никак,
Ширины-то у них не заметить никак,
Глубины не просмотреть в трубочки подзорные;
Видала я много городов, разных деревенок,
Видала я много народа разных племеней,
Со всеми-то я познакомилась,

Познакомилась с ними, поздоровалась.
Глазами-очами не обозрети,
Умом-разумом не обмыслити,
Сколько есть прелестностей
В нашей славной стране Советской!
Видела я славный тихий Дон со посадками казацкими,
Видела я славное море Азовское,
Где ходил Васька Таракашка, сын Заморянин,
Со товарами ходил со разными.
Здравствуй, здравствуй, морюшко Хвалынское,
Здравствуй, здравствуй, морюшко Черное,
Я приехала к вам из страны из северной
Передать привет от морюшка от Белого!
Моря эти в далеком живут расстояньици,
А подземельные ключи у них одинако бьют,
Бело морюшко с Хвалынским разговор ведут,
Бело морюшко с морем Черным беседушку ведут,
Беседушку ведут да разговаривают.
Когда подуют-то ветры северные, холодные,
Когда падут ветры буйные с окиян-моря,
Растреложится-то наше море Белое,
Разыграется страшна морска музыка,
Загремят серы камешки беломорские,
Все моря тогда да призаслушаются.
Меж собой станут они разговор вести:
„Отчего так Бело море взволновалось,
Почему так сильно растреложилось?“
Ответит им да наше море Белое:
„От ветров холодных я взволновалось,
Ото льдов морозных я растреложилось,
Я в оковах-то живу во железных,
Завязано-запутано я цепями морозными,
Разломать мне надоть льды те зимние,
Все лединочки на мелкие ропачочки,
Каждый день и каждую минуточку
Нахожусь я ведь при работушке,

При работушке да во заботушке.
А вы всегда живете во приятности,
При веселом-то живете положеньици,
Не бывают у вас морозы страшные,
Не бывают у вас льды морозные,
Не бывают у вас ветры северные, холодные".
С малолетства я прославляла морюшко Хвалынское:
Ходили по нем русские могучие богатыри,
Ходил-похаживал по нем Илья Муромец,
Илья Муромец ходил, сын Иванович,
Ходил-плавал Пересмякин родной племенничек,
Ишо плавал-проезжал атаман Стенька Разин,
Стенька Разин, свет Тимофеевич.
Смотрела-глядела я, где-ка город Концырь есть,
В нем не царь царил, не король короллил,
Не король короллил, и не князь княжил,
А управляла во всех делах
Маринка, дочь Кондаловна.
На славных на хвалынских бережочках
Чудна-прекрасна жизнь содвигнута,
Со заводами она да со колхозами,
Со пашнями со широкими, с плодородными,
Со садами, с деревьями-фруктами со разными,
Жизнь просторная, жизнь прожиточная!
Глядела-смотрела я стольный град Хвалынской,
Глядела-смотрела я стольный град Кавказской,
Глядела-смотрела я стольный град Черноморской,
Изукрашены, изнаряжены они чудна видами,
А немного тому поры-времени
Не было у них строеньицев высоких,
Не было у них дивных садов зеленых,
Не было широких торных улочек,
А жизнь народу была очень плохая,
Непрожиточная, неталанная да очень треложная.
В народе тогда не было ученьица,
Мужовья над жонами были строгие,

Над своими жонами они изгилялися,
Не приказывали открывать лица белого,
Дак они не видели небушка высокого,
Они не видели да красна солнышка,
Они не смотрели народа, людей добрых;
Без прав, без своего управленьца люди жили,
Не видали они дня белого, счастливого,
Ночки темной не видели спокойной.
Побывала-то я у морюшка у славна Черного,
Побывала у морюшка, полюбовалася,
Видела на бережочках сады зеленые,
Расцвели они во всей пышности,
Цветы лазуревые цвету разного.
Я подумала своим да умом-разумом:
Как во моей-то теперь во деревеньке
Стоит река Золотица да все по-зимнему,
Льдом река да вся покрыта же,
Тянут ветры да все холодные,
Холодные да очень северные,
Со снегами да со погодами,
А в здешней стране Черноморской
Расцвела красна вёснушка,
Соньце греет очень горячее,
От него да теплота стоит,
Теплота стоит, лучи блестят,
Не бывает у нас така теплота по лету теплому,
Во июле во славном летном месяце.
Глядела я на сады на зеленые
Со разными со цветами со прекрасными,
Со древами растущими, с заморскими,
Привезены-усажены они из разных стран,
Где не бывает никогда зима холодная,
Где соньце опекает землю каждый день,
Где медовой росой все обливается.
Сады прекрасные черноморские,
Не пропеть про эти сады в пропеваньцах,

Не рассказать про них в рассказаньицах!
Как не расцветать-то садам зелененьким,
Когда они там при всем деянии воздуха!
Не могла всех да обойти кругом,
Вперед глядишь—они по бокам расстилаются,
Назад обернешься—они в полной чудности.
В каждой стороночке везде прелести.
Зачем чудна страна черноморская
Мне во младости не приснилася,
Во сновиденьици зачем не показалася?
Раньше эти чудности шли только сказками,
А теперь они пришли в быль ведь сущую!
Народ живет у морюшка Хвалынского,
Народ живет у морюшка Черного,
У тех ли у гор у славна кавказских,
Только раньше народ будто в рабстве был,
В рабстве был, в притеснении:
Одни люди прохлаждались по жизни полной,
А простой народ ни за что вянули,
Не было народу жизни прожиточной,
Не было народу мудрого ученьица,
Не было народу чести-славушки.
А теперь для народу жизнь полная, просторная,
Прославляет теперь народ свое освобожденьице,
Советское-то славно управленьице,
Возвеличивают вождя своего великого,
Всеславного, премудрого богатыря Сталина.
Докатилась до народа планета счастливая,
Заблестело-засветило соньце красное,
Расцвели древа, в садах зеленых растущие,
Запели тут птицы разные поющие,
В городах жизнь вся изукр'ашена,
В деревнях-то хорошо она сонаряжена,
Народ-люди стали все ученые,
Со старого до малого все в образованьици,
Во своих делах они сами управители.

Собирается теперь народ да во собраньица,
Выбирают, кому быть управителем,
Выбирают тех, кто прославлен делами геройскими,
Делами геройскими, подвигами славна советскими,
Сам народ содвигает жизнь самую лучшую,
Саму лучшую да все счастливую.
Ты прости меня, морюшко славно Белое,
Уж я думала, что вас на свете лучше нет,
А увидала-то я теперь страны разные,
Страны разные, чудно-дивные,
Не одна страна на свете страна Северная,
Не одна наша чудная деревня Золотица,
Не одно наше славное морюшко Белое,
Много стран да есть прелестных,
Много городов есть пречудных,
Много деревенок есть преславных,
Много морюшков есть ведь разных.

Уж вы здравствуйте, волны беломорские,
Уж вы здравствуйте, родны бережочки,
Здравствуй, здравствуй, родимая страна Северная!
Много я везде переездила:
Много-много всего я перевидела;
Видела я славный Тихий Дон,
Видела я морюшко Азовское,
Видела я морюшко Хвалынское,
Видела я морюшко Черное.
Много стран я видела разных-то,
Разных стран очень прекрасных,
Много прелестей повидала, разных разностей.
Будто спишь и сон видится,
Пробудись—пред тобой все кажется,
Пройдет времячко—может все позабудется,
А свой край северный до гроба не забудется:
Где кто родился, там ему вся прелесть.
У морюшка у Белого я родилася,

В колыбелечке я здесь качалася,
Здесь кликала меня родна матушка,
Играла-бегала я здесь по улочке;
Здесь пробежали-протекли первы слезоньки,
Первы слезоньки — от веселья-радости,
Здесь пробежали-протекли вторы слезоньки,
Вторы слезоньки от печали-горюшка,
Вся планета-участь стояла предо мной на Севере.
Как не любить свой край северный,
Много ведь чудностей в нем, много прелестей:
Зимой-то у нас стоят снежочки белые,
Снежочки белые, пушистые,
На земле блестят, будто светлы звездочки,
А льды наши зимние блестят, будто браманты,
Морозы выигрывают будто в струны серебряные,
А ночное сияние очень чудное, очень дивное,
Уж мы любим нашу зимушку морозную, студеную.
А как пройдет зима, зима холодная,
Наступит весна красная, прекрасная,
Как потают тогда снежки белые,
Как подуют ветры со летной стороночки,
Разобьют-разломают в реках все лединочки,
Все лединочки на ропачки на малые,
Потекут-побежат тут быстрые ручеечки,
Засветит-то светло красно солнышко,
Никогда оно из очей, из глаз не укатывается,
Оно светит каждый час, каждую минуточку,
Не приглашает оно к себе в дружбу ночку темную,
А зовет оно к себе зорюшку славна утренню.
Вся природа тогда бывает изукрашена,
Изукрашена она да изнаряжена.
Прилетают к нам птицы перелетные,
Птицы перелетные изо всех же стран,
Прилетают они к нам на летнее жированьице,
Они жируют у нас, прохлаждаются,
Они плавают по морюшку по Белому,

Они плавают у нас на озерушках,
Они плавают у нас на тихих заводях,
Они на зеленых сидят на лужочках,
Они сидят-сидят в лесах дремучих,
Они сидят на мшистых на болотниках,
Они поют ведь песни разные,
Про свои чудны страны рассказывают,
Рассказывают-то нашим птицам северным.
Уж как по лету, лету теплому,
Собираем мы ягоду чернику-голубику,
Берем ягоду смородину-землянику.
Хорошо гулять по лету, лету теплому,
Гулять-ходить по бережочкам,
По желтеньким ходить по песочкам,
По зеленым-то ходить да по лужочкам,
По горам ходить у нас да по крутым,
По лесам у нас ходить да по дремучим.
Много прелестей в стране нашей северной,
Еще больше у нас разного богатства!
Много есть у нас лесов прекрасных,
Леса северные — они очень дорогие,
Для всего они очень способные,
Наши северные леса везде разваживаются,
По всем странам по разным-то,
По городам они да по деревенькам,
Везут их на паровых больших парходиках,
На черненых везут больших караблях,
Везут-то их на машинах, обозами;
Много строеньицев по миру везде понастроено,
Понастроено много, понаделано
Из бревнышек да из дощечек наших беломорских!
Во тех лесах наших во флавна северных
Бегают-жирут от звери разные, звери лесные —
Лисицы-куняцы, песцы-горносталюшки,
По всем странам, по городам, по деревенькам
Из нашего края славна северного

Идут меха очень теплые, очень ценные,
Идут они сухим путем-дорожечкой,
Везут их на парходиках.
Птица-дичь есть у нас разная —
Рябчики, куропатки, дикари, пеструхи,
Есть пернасты разны уточки,
Есть серы гуси да белы лебеди.
Во нашем во морюшке во Белом
Промышляют рыбу-краснорыбицу,
Рыбу-краснорыбицу очень важную,
Эта рыба для всего народа любожеланная,
Эта рыба для всего народа очень вкусная.
Во нашем во морюшке во Белом
Промышляют зверя морского
На парходиках да на ледоколиках,
В легких малых лодочках да на лединочках,
Промышляют ребята наши поморушки.
Много разного богатчества в стране северной,
А народ-люди у нас трудливые, работные,
Трудливые, работные, очень заботные,
Они не страшатся погодушки беломорской,
Они не боятся зверей лесных, медведюшек,
Медведей черных да волков серых,
Не улетит у них лесна птица по поднебесью,
Не уйдет у них тюлень морской со лединочки,
Стоялый дуб вырвут они со коренем.
Много есть у нас героев-богатырей
На заводах на чудна лесных,
Весь трудящий народ очень работный,
Нову жизнь содвигают с удовольствием,
С удовольствием, от чувства-желаньца.
Хороши у нас колхозы, очень дивные,
Много скота у нас очень крупного,
Уж как наши-то коровушки самы лучшие,
По доеньицу, по молоку самы ценные.
Много есть у нас людей песельных,

Людей песельных, пропевателей,
Пропевателей да рассказателей,
Они знают-то про жизнь про старую,
Про жизнь про старую, про досельную,
Они знают про жизнь про новую,
Про новую жизнь про счастливую.

Приеду-то я в родную деревеньку Золотицу,
Я повыйду ко морюшку ко Белому
На крутой бережочек, на рассыпчатый песок,
Ко сырым ко белым камешечкам,
Погляжу я в раздольице широкое,
Погляжу я в пучину во глубокую,
Я повыйду ко быстрой к своей реченьке,
Погляжу я на родну реченьку на быструю,
На те ли на луга на зеленые,
На те ли на леса на дремучие,
На те ли на горы на Городишные,
На те ли на наши озерушка,
На те ли тихи наши заводи.
Пропевать-то я буду в пропеваньницах
Говорить-то буду в рассказаньницах,
Про родной край да про родимый,
Возвеличивать буду страну нашу Северную
Со всей родной природой да со прелестью.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
На родине вождя	7
Клим да свет Ефремович	22
Не один славный богатырь во Советской земле	29
Славна каменна Москва	34
Пропеваньице про сочинителя премудрого	39
Красной армии честь-славушка великая	43
Широка-велика страна наша колхозная	46
Про нашего помора, первого филостоха-мудреца, про Михайлу Ломоносова	49
Мое побываньице у трех морей	62
Здравствуй, морюшко Белое!	68